

ОТЗВУКИ СОБЫТИЙ

26 октября 2021 г. прошла VI ежегодная научная видеоконференция «**Человек как существо природное, социальное, экзистенциальное: “боле-вые точки” философской антропологии**» (памяти Павла Семёновича Гуревича), организованная сектором истории антропологических учений Института философии РАН (г. Москва) и факультетом социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород). В этой рубрике мы публикуем тезисы докладов участников этой конференции.

Алексей ФАТЕНКОВ

Доктор философских наук,
профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии.
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского.
603022, Российская Федерация, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;
e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

КУЛЬТ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ТОТАЛИТАРНАЯ УГРОЗА

Замысел автора состоит в том, чтобы подчеркнуть противоречивый характер феномена безопасности и акцентировать внимание на том, что чрезмерная безопасность – чаемая, требуемая, достигаемая – оборачивается деструктивной противоположностью, становясь тоталитарной угрозой. Реальная защищённость, действительно нужная для содержательной жизни, достигается ненадуманной уверенностью в собственных силах и доверительными отношениями с немногими из окружающих. Отчуждение индивидом ресурса самообороны в пользу третьих лиц и структур ведёт к тоталитарному культу безопасности, превращающему её в фарс.

Ключевые слова: опасность, безопасность, культ безопасности, тоталитарность, свобода, риск, абсурд, контроль, псевдоугроза, солидарность

1. Свобода – фундаментальная ценность человеческого бытия. Пониманию, что тезис может восприниматься сегодня как насмешка или даже издёвка. Но начну именно с него. Диссонанс, действительно ощущаемый при наложении идеи свободы на текущую социальную эмпирию, свидетельствует лишь о том, что имеет смысл в очередной раз внести существенную правку в ход истории – или безропотно свыкаться с инновационными формами рабства.

2. Итак, свобода. Обратим внимание на её понимание двумя конкурирующими философскими стратегиями. Европейский рационализм логикой Спинозы – Гегеля – Маркса соотносит свободу с познанной или осознанной необходимостью. В экзистенциализме, апеллирующем и к иррациональному в человеке, свобода осмысливается иначе, неразрывно увязывается с ответственностью. Возможен и желателен, думается, диалектический синтез очерченных установок (с креном в сторону экзистенциалистской позиции). Защищаемая автором формула такова: *свобода есть предельный риск при предельной же безбоязненности ошибиться*. Под риском привычно подразумевается некоторая осознаваемая компонента действия и подготовки к нему в ситуации опасности. Под безбоязненностью – не тупая самоуверенность и не продукт гарантированной страховки или предварительной зачистки ошибочных решений, а попадание в полноту бытия, когда твой характер обручается с удачей и с чем-то ещё, включая то, о чём тебе невдомёк.

3. Риск и опасность укоренены в существовании жизни, суть её атрибуты. Экзистенциальная онтология опасности концентрированно выражена в известном афоризме Фридриха Ницше: «Что не убивает меня, то делает меня сильнее» [2, с. 14]. В XX в. хлётский тезис доосмысливается немецкими философами. «...Но то, что нас убивает, – сделало нас сильными, – утверждает Мартин Хайдеггер. – Но сколь редко мы отваживаемся на то, что нас убивает; насколько больше мы стремимся стать сильнее, а не *быть* сильными, – если понимать под этим настойчивость в сущностных решениях» [4, с. 148]. Запись Эрнста Юнгера лаконичней. К ницшевскому вердикту добавлено только: «...но то, что может [меня погубить. – А.Ф.] – сильнее стократ» [5, с. 55].

4. Жизнь конечна, она может оборваться в любой момент – и в конце концов обрывается. Неизбежно. Отсюда с очевидностью вытекает: опасность абсолютна, безопасность относительна. Всегда. Естественным образом встаёт вопрос о мере безопасности и о её цене.

5. Рассмотрение относительного, в данном случае безопасности, по меркам абсолютного ведёт к абсурду. У абсурда своя логика. В частности, *двойное утверждение даёт в ней отрицание*. Безопасность и ещё раз безопасность – получаем её отсутствие. Избыток превращается в недостаток. Спектр угроз неоправданно расширяется. В нём заметно увеличивается

доля тех, что явно избыточны: преодоление и избегание их одинаково по результату. И результат-то никчемный: ни свобода, ни другие человеческие ценности не получают прироста.

6. *Реальная безопасность*, действительно нужная для содержательной жизни, *достигается ненадуманной уверенностью в собственных силах и доверительными отношениями с немногими из окружающих*. Она экзистенциально фундирована. Социальная безопасность, декларируемая большим обществом, его отдельными представителями, вторична, производна. Она продукт делегирования (фактически – отчуждения!) ресурса индивидуально-личностной и групповой безопасности, при том что ни один общественный договор, ни одна политическая конвенция широкой доверительности между людьми не гарантируют. По этой причине доверие открыто или исподволь дополняется контролем и... неуклонно вытесняется, подменяется им, изначально несущим на себе печать тотальной подозрительности.

7. Безопасность, отождествляемая с контролем, оказывается фикцией, предметом спекуляций. Диктат контроля – следствие умаления индивидуальной ответственности за безопасность и чрезмерной передачи соответствующих прав иным, внешним инстанциям: социальной, политической, технической. Итог – удручающий. Капитально подсевший на комфорт человек общества потребления по экзистенциальной лености опрометчиво перепоручает свою защиту компьютерным системам слежения-предупреждения, частным охранным фирмам, социальным институтам и, особо, государству... становясь их заложником.

8. Приспешники Большого Брата только того и ждут. Они, разумеется, всегда готовы выставить себя гарантами безопасности и законности, клятвенно заверяя усомнившихся в рациональности и благотворности своих намерений. Но вот что выходит (тут уместна ссылка на Мишеля Фуко): «Государство, гарантирующее безопасность, есть государство, которое обязано вмешиваться во всех случаях, когда течение повседневной жизни нарушается каким-либо исключительным событием. И сразу же закон оказывается неприемлемым; и сразу же оказываются необходимыми... разновидности вмешательства, исключительный и незаконный характер которых отнюдь не должен выглядеть знаком произвола или избытка власти, но выглядит, наоборот, знаком заботы... Эта сторона вездесущей заботы и есть аспект, в котором предстаёт государство» [1, с. 46–47].

9. Одни – инфантильно меняют безопасность на комфорт; другие – потирая руки, подменяют безопасность контролем комфортно проживающих. Реальной безопасности нет как нет. Вместо этого запускается её культ. Подобно всякому культу, он плодит и тиражирует неподлинность: фетиши, паллиатив, фикцию. Его привычно сопровождают предъявляемые к пастве требования покаяния и возлагаемые на пастырей устрашающие проповеди. Имея мало общего с реальной защищённостью людей, культ безопасности засоряет их сознание нелепыми угрозами. Даже сюрпризы погоды используются для запугивания электората якобы применённым против него климатическим оружием. Ну, на то он и электорат...

10. Кампания по внушению тотальности угроз, затрагивающая и раскусок самих её организаторов (а скорее всего, в первую очередь их раскусок), призвана вызвать в качестве ответной реакции установку на слепую апологию защищённости. Та распространяет нелепости вглубь и вширь. У каждой серьёзной службы безопасности имеется своя служба внутренней безопасности... Тоталитарно раскрашенная матрёшка, напичканная двойными и тройными агентами, выставляет себя во всей красе.

11. Что делать? Мишель Фуко, не самый близкий мне интеллектуал, даёт, в принципе, верный совет: надо обнаружить точку, благодаря которой людям всё-таки удастся оторваться от такой, с непомерно завышенной ценой, системы безопасности (см.: [1, с. 50]). Но вот искомая координата, похоже, найдена: это точка аберрации, превращения безопасности в её тоталитарно грозящий человеку абсурдный культ. Решающий разоблачительный аргумент, с очевидностью демонстрирующий корысть его служителей, предоставляет Эрнст Юнгер, философ-воин. Если и в самом деле опасности обступают людей со всех сторон, то нечего измудряться, естественная и достойная мера защиты известна с давних времён: «...свободный мужчина должен быть вооружён, причём не оружием, которое хранится где-то в арсеналах и казармах, а оружием, которое хранится у него дома, в его квартире. Это обязательно должно сказаться и на соблюдении основных прав» [6, с. 97]. Исторический опыт показывает, однако, что власть охотно вооружает сограждан только тогда, когда опасность грозит прежде всего ей самой, в прочие времена правящие персоны и структуры предпочитают руководить безоружным населением. Власть имущие – повсеместно – заинтересованы не в том, чтобы поддержать гражданина в его способности самому себя защищать, а в том, чтобы отнять у него по максимуму эту способность и присвоить её себе ради собственной защищённости. Культ безопасности с этой целью и затевается.

12. Помимо фабрикация псевдоугроз культ безопасности отличается игнорированием и замалчиванием причин, вызывающих реальные угрозы, многие из которых явно избыточны для людей. За этими причинами, как и за их замалчиванием, скрываются тривиальные по своей корысти классовые и клановые интересы. Социальная несправедливость – вседозволенность одних, ощущение безнадеги и отчаяние других – вот что активно детерминирует рост эксцессов.

13. Ясно, что оружие под рукой – не панацея от социальных и асоциальных угроз – но и не символическая пустышка, эпатажно демонстрирующая фиктивную готовность к самообороне. Вместе со скрытой мощью внесетевого, немногочисленно-доверительного общения, наряду с саботажем оцифровки и бескомпромиссным воспрепятствованием чипированию это один из серьёзных ресурсов непоказного укрепления позиции индивида, оказавшегося в качественно новых общественных условиях.

14. Нынешнее общество представляет собой капитализм существенно нового технологического уклада. Все модные разговоры о посткапитализме являются идеологической уловкой, всячески пытающейся маскировать

фактичность вопиющей эксплуатации. В отличие от прежних капиталистических форм нынешняя не содержит и не вынашивает в себе передового класса, который был бы готов устранить капитализм и, эмансипируя, отстаивать и совершенствовать социальность, способствуя тем самым естественному росту солидарности. Теперешняя передовая страта, ведущая общество в качественно новое состояние, следует курсом сохранения капитализма и устранения собственно социального посредством его редукции к социотехническому. Симптоматична пропагандистская подмена принципа справедливости принципом эффективности в текущих социальных практиках (подробнее см.: [3]). В этих условиях и обстоятельствах эфемерны надежды на широкий фронт солидарности. Особенно с учётом вполне уже технологически осуществимой его имитации.

15. На что и на кого надеяться? Тысячу раз прав Юнгер: «Когда все институты стали сомнительными или даже опозоренными и когда даже в церквях уже слышны молитвы не за угнетённых, а за угнетателей, тогда моральная ответственность целиком ложится на одиночку, или, лучше сказать, на несломленного одиночку» [6, с. 101–102]. Его фигура узнаваема. Это индивид с самостоятельным, не опутанным сетями умом и самостоятельностью в ремесле; он получает удовольствие от содержательного (и потому – свободного) труда, от творчества как такового и не озабочен бонусом лояльности, которым безнадежно пытается его подкупить правящий слой. Одному, правда, не спастись. Никак. Выручишь себя, если сможешь ещё кому-то, хотя бы одному-единственному.

16. Отрадно видеть в университетской аудитории молодых людей, размышляющих (таковых, к счастью, немало) над юнгеровским «Уходом в Лес». Книга правильная. Ни на минуту не даёт усомниться: «Свобода является великой темой сегодняшнего дня: она – сила, преодолевающая страх» [6, с. 96].

Список литературы

1. Мишель Фуко: безопасность и государство // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3 ч. Ч. 3 / Пер. с фр. Б.М. Скуратова; общ. ред. В.П. Большакова. М.: Праксис, 2006. С. 43–50.
2. Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом / Пер. с нем. Н.Н. Полилова // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 6. М.: Культурная революция, 2009. С. 9–106.
3. Фатенков А.Н. Эффективность как ложный ориентир развития общества? // Социологические исследования. 2018. № 7 (411). С. 135–145.
4. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Чёрные тетради 1938–1939) / Пер. с нем. А.Б. Григорьева; науч. ред. М. Маяцкий. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 528 с.
5. Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945) / Пер. с нем. Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль, 2002. 783 с.
6. Юнгер Э. Уход в Лес / Пер. с нем. А. Климентова; ред. А. Михайловский. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. 144 с.

ECHOES OF THE EVENTS

Aleksey Fatenkov

DSc in Philosophy,
Professor, Department of Industry and Applied Sociology.
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation;
e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

THE CULT OF SECURITY AS A TOTALITARIAN THREAT

The author's idea is to stress the contradictory nature of the security phenomenon and to emphasize that excessive security – desired, required, or achieved – turns into its own destructive opposite and becomes a totalitarian threat. Real security that is essential for a meaningful life is achieved through a closely reasoned self-confidence and trust-based relationships with just a few others. Alienation by an individual of a self-defense resource in favor of third parties and structures leads to a totalitarian cult of security that turns it into a farce.

Keywords: danger, security, cult of security, totalitarianism, freedom, risk, absurdity, control, pseudo-threat, solidarity

References

1. Fatenkov, A.N. "Effektivnost' kak lozhnyi orientir razvitiya obshchestva?" [Effectiveness as a False Landmark of Development?], *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2018, No. 7 (411), pp. 135–145. (In Russian)
2. Heidegger, M. *Razmyshleniya VII–XI (Chernye tetradi 1938–1939)* [Überlegungen VII–XI (Schwarze Hefte 1938–1939)], trans. A. Grigoryev, ed. M. Mayatsky. Moscow: Gaidar Institute Publ., 2018. 528 pp. (In Russian)
3. Jünger, E. *Izlucheniya (fevral' 1941 – aprel' 1945)* [Strahlungen (February 1941 – April 1945)], trans. N. Guchinskaya & V. Notkina. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2002. 783 pp. (In Russian)
4. Jünger, E. *Ukhod v Les* [Der Waldgang], trans. A. Klimentov; ed. A. Mikhailovsky. Moscow: Ad Marginem Publ., 2020. 144 pp. (In Russian)
5. "Mishel' Fuko: bezopasnost' i gosudarstvo" [Michel Foucault: La sécurité et l'État], in: M. Foucault, *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Dits et écrits: articles politiques conférences, interviews. 1970–1984], Vol. 3, trans. B.M. Skuratov, ed. V.P. Bolshakov. Moscow: Praxis Publ., 2006, pp. 43–50. (In Russian)
6. Nietzsche, F. "Sumerki idolov ili Kak filosofstvuyut molotom" [Götzen-Dämmerung oder Wie man mit dem Hammer philosophiert], trans. N. Polilov, in: F. Nietzsche, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], Vol. 6. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2009, pp. 9–106. (In Russian)